

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2024

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (64)
2024**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Стасевич И.В.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: stinga73@mail.ru

НОВЫЕ СВЕТСКИЕ ПРАЗДНИКИ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ. ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Статья посвящена анализу новых светских праздников, которые появились не так давно в современной казахской культуре: gender reveal party (гендер пати), baby shower (бейби шауэр), тілашар. В качестве источников использованы данные полевых этнографических исследований (Актюбинская, Атырауская области РК) и материалы персональных профилей пользователей социальных сетей и сервисов по общению (жители Актюбинской, Западно-Казахстанской, Алматинской, Туркестанской областей РК). Автор пытается найти ответ на вопрос, почему же казахская культура так легко воспринимает и адаптирует вестернизированные светские практики. Ответ, с его точки зрения, кроется в специфике социальной организации казахского общества, появлении новых каналов сохранения и трансляции информации и в общей ориентированности современного Казахстана на глобализацию.

Ключевые слова: казахи, семейная обрядность, праздник, 'gender reveal party' (гендер пати), 'baby shower' (бейби шауэр), адаптация традиции.

Постановка проблемы

Казахская семейная обрядность закономерно находится в сфере неослабевающего интереса этнографов, социальных антропологов, поскольку современное казахское общество сохраняет условно традиционную основу [Аргынбаев, 1974; Толеубаев, 1991; Ерназаров, 2003; Калышев, 2001; Коновалов, Шаханова, 1998; Стасевич, 2011; 2021с; и др.], отдельным направлением исследования обрядности являются фиксация и анализ форм ее адаптации в современном мире [Бекбалак, 2001; Галимова, 2003; Калыш, 2013; Ларина, Наумова, 2016; Стасевич, 2021а; Попова, Шалманова, 2021].

Процесс адаптации элементов традиции в современной культуре многомерный, он включает в себя как воспроизводство, так и конструирование обрядовых практик. Выявление устойчивой традиционной составляющей того или иного обряда, позволяет говорить о несомненной преемственности в обрядовой культуре казахов. Процессы трансформации традиционной основы семейной обрядности и «изобретения» обрядовых практик напрямую связаны с появлением в современном мире новых способов сохранения и трансляции информации [Попова, Шалманова, 2021; Стасевич, 2021b]. Это, в свою очередь, способствует некоторому ослаблению патриархальности казахского общества и даже понижению авторитетности старшего поколения в передаче молодежи знаний о традициях. Расширение информационной сферы этноса заметно повышает возможность проникновения в культуру иноэтничных практик. В обществе, так или иначе ориентированном на традицию, такие практики будут подвергаться адаптации, обрести местный колорит. Современное обрядотворчество отталкивается от представления о существовании традиционного канона, воспроизведение которого позволяет облекать новые обрядовые практики в традиционную форму. Говоря о «традиционных» обрядах или, по крайней мере, о традиционной составляющей современных обрядовых практик, стоит указать на условность этого понятия. По сути, «традиционная обрядность казахов» — это конструкт, существующий в поле нашего исследования и созданный на основе письменных источников конца XIX — первой трети XX в. Именно на основе этой модели сравниваются разновременные практики и выявляются вторичные формы по отношению к исходной версии. Основные работы по казахской этнографии середины — конца XX в. написаны в этом ключе, описание и изучение динамики изменений обрядовой культуры казахов дается исходя из существования «традиционной модели обрядности» в прошлом [Аргынбаев, 1974; Курылев, 1978; Толеубаев, 1991; Коновалов, Шаханова, 1998; и др.]. Эта «книжная» версия обрядности в определенной мере противостоит

представлению о традиционности самих носителей традиции — казахов. Как пишут исследователи культуры российских казахов И.И. Ларина и О.Б. Наумова, до настоящего времени в казахской культуре сохраняется потребность обрядового оформления основных моментов жизненного пути, определенных жизненных ситуаций. Существует традиционная схема, по которой строится обряд, основой которого является ритуальная трапеза. «И в этом смысле “традиционными” обрядами мы называем те, которые сами российские казахи считают своими национальными, казахскими, независимо от времени их происхождения» [Ларина, Наумова, 2016, с. 119]. Это утверждение абсолютно справедливо и для казахстанских казахов, которые, ориентируясь на различные источники информации (от воспоминаний и рассказов стариков до тематических форумов сети Интернет), воспроизводят и конструируют «традиционные казахские обычаи».

Одним из факторов, влияющих на трансформацию структурных элементов казахской семейной обрядности, стала реисламизация региона в последние десятилетия. Однако пристальное внимание к процессам, связанным с возрождением ислама на территории Центральной Азии, оставляет в тени не менее интересные тенденции, связанные с вестернизацией повседневности: насколько в современную культуру мусульманских народов проникают и, главное, как адаптируются западноевропейские, а отчасти американские традиции. Они фиксируются по всей Центральной Азии, но на сегодняшний день в наибольшей степени проявляют себя именно в Казахстане, где переплетение элементов традиций Востока и Запада создало яркую самобытную культуру XXI века. Вольное или невольное невнимание к этим процессам, безусловно, приводит к серьезным искажениям в нашем понимании дальнейших путей развития традиционной обрядности. Не менее важно и то, что собственно проблемы исламизации современного центральноазиатского общества выглядят, несомненно, рельефнее при учете факторов, связанных с новой «вестернизированной повседневностью». В этом отношении интересны новые светские праздники, которые появились не так давно в современной казахской культуре: *gender reveal party* (*гендер пати*) и *baby shower* (*бейби шауэр*), *тілашар* (каз., букв. «открывание языка»), анализу которых и посвящена статья.

Методы исследования, источники

В работе использованы методы историко-культурного и этнографического подходов. В основе исследования — полевые материалы, полученные во время этнографических исследований на территории Западного Казахстана (Актюбинская, Атырауская области) [ГМА, Стасевич, 2019, 2022] в последние годы, и данные мониторинга персональных профилей пользователей социальных сетей и сервисов по общению (Instagram¹, Tik Tok, «Одноклассники», «ВКонтакте») с целью ознакомления с общедоступными фото- и видеоматериалами, комментариями [ГМА, Стасевич, 2023]. Как я уже писала, современные казахи для такого рода общения наиболее активно используют Instagram [Стасевич, 2021b, с. 171]. Большую популярность набрала видеоплощадка Tik Tok. В настоящее время интернет стал для казахов новой площадкой, на которой они активно позиционируют свою идентичность, обсуждают темы национального наследия, включая семейную обрядность. Киберсреда все больше становится местом проявления и самопрезентации традиционной культуры и постепенно занимает свою нишу в актуализации этничности. Для ее поддержания и актуализации используется так называемый этнический интернет, включающий этнически ориентированные ресурсы и сервисы [Головнев и др., 2018]. Таким образом, источниковая база настоящего исследования представлена как полевыми этнографическими материалами, так и эквивалентными им данными интернет-ресурсов и охватывает западные и южные регионы Казахстана.

Сбор полевых материалов осуществлялся методом формализованного интервью по заранее составленным опросникам и тематическим анкетам. В результате проведенного опроса получены 23 анкеты (жители Актюбинской, Западно-Казахстанской, Алматинской, Туркестанской областей), проведены 19 интервью (жители Актюбинской, Атырауской областей). Было просмотрено 38 профилей пользователей с целью ознакомления с фотографиями и видеосюжетами, посвященными праздникам *гендер пати* и *бейби шауэр* (жители Актюбинской, Западно-Казахстанской, Алматинской, Туркестанской областей) [ГМА, Стасевич, 2022, 2023]. Основная группа пользователей интернет-ресурсов и опрошенных информантов — молодые люди от 17 до 30 лет, они составили 70 % от общего количества задействованных в проекте информантов и пользователей социальных сетей и сервисов. Остальные 30 % — люди среднего и пожилого возраста, от 40 до 80 лет. При анализе ответов информантов особое внимание уделялось степени религиозности и традиционализма как

¹ Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

самого интервьюера, так и его окружения, в первую очередь семьи. Опорными темами в опросниках и тематических анкетах стали: организаторы праздников (член семьи, подруги, представители той-индустрии); сроки и место проведения мероприятия; состав приглашенных гостей; роль старшего поколения; меню праздничного стола (национальная/европейская кухня); дарообмен; способ оформления извещения о поле будущего ребенка. Также при опросе информанта обязательно фиксировались частота участия в подобных мероприятиях, способ получения информации о правилах его проведения, отношение информанта к «новой традиции» и его способность найти «аналогию» подобным мероприятиям в традиционной обрядовой культуре казахов.

Семейные праздники в современной казахской культуре

Праздник *гендер пати* появился в казахской культуре несколько лет назад. Он еще не получил широкого распространения, нет даже единых устоявшихся форм. Смысл мероприятия заключается в торжественном обыгрывании пола будущего ребенка при помощи тематических предметов (торта, цвета воздушных шаров, гирлянд, украшающих помещение, и т.д.). Эта практика копирует гендерные вечеринки, которые получили популярность в начале 2000-х гг. в США и посредством Сети широко распространились по миру. Они стали объектом пристального изучения современных антропологов. Подобные мероприятия рассматриваются как пример популяризации частного, можно даже сказать, интимного знания семейной пары о поле будущего ребенка [Gieseler, 2017], как новая форма ритуализации действий, связанных с раскрытием пола еще не рожденного ребенка, в современной культуре [Pasche Guignard, 2015]. Основным направлением критики широкого распространения *гендер пати* в европейской культуре и отчасти в культуре США является нивелирование различия между социально детерминированным понятием гендера и биологическим полом [Nahata, 2017; Sax, 2002].

Казахская культура базируется на принятии гендерной дихотомии. По традиции ожидание рождения сына, продолжателя рода отца, рассматривается как приоритетное по сравнению с рождением дочери. Поэтому узнавание пола будущего ребенка приобретает для семьи, включая старшее поколение, дополнительную интригу. Еще в прошлом казахи старались угадать пол ребенка по пищевым предпочтениям беременной женщины посредством гадания и по эмпирическим наблюдениям. Так, например, если первые движения ребенка в чреве женщина ощущала в районе сердца, то ожидали рождения девочки, если в районе печени — то мальчика [Ерназаров, 2003, с. 80]. Современная медицина в большинстве случаев позволяет на достаточно ранних сроках беременности определить пол будущего ребенка. Устраивают праздник *гендер пати* родные невестки (*келін*) или ближайшие друзья, когда получают данные УЗИ. Может и сама *келін*, узнав пол своего ребенка, устроить праздник для мужа и родных. Участвуют не только молодые люди, но и родители семейной пары, приглашают и женщин, и мужчин. Накрывают праздничный стол, подают одно горячее блюдо (обычно мясо по-казахски — *бесбармак*), чай, сладости. Иногда снимают помещение кафе, но чаще праздник проводят дома, в семейном кругу; если приглашается ведущий мероприятия, то обычно это женщина. Гости по традиции будущим родителям дарят подарки, прийти на любое праздничное или обрядовое мероприятие без подарка в казахской культуре противоречит этикету. Система символического дарообмена до настоящего времени играет значительную роль в поддержании родственных и социальных связей в казахском обществе, взаимные финансовые обязательства довольно сильно цементируют сложившуюся семейную обрядность. Исследователи не раз отмечали особую роль родственных связей в системе социальных отношений казахов как в традиционной, так и в современной культуре [Попова, 2009; Жармакина, 2019, с. 56–57; Попова, Стасевич, 2020; и др.].

Праздник *гендер пати* распространен в основном в городской среде, но постепенно проникает и в сельскую местность. Новшества в современной обрядности большей частью связаны с городской культурой. Чувствуется ориентация на «престижные» формы обрядности, которые, как правило, ассоциируются с высоким экономическим уровнем мероприятия. Это особенно ярко проявляется на фоне значимости представлений о социальной престижности и визуализации экономического достатка семьи, семейно-родственной группы.

Молодые люди, в отличие от старшего поколения, которое часто скептически относится к подобному рода мероприятиям, уверенно называют еще и праздник *бейби шауэр*, который они выделяют как отдельное праздничное мероприятие, хотя проводят его на порядок реже, чем *гендер пати*² [ГМА, Стасевич, 2022, 2023]. В отличие от поледнего, он посвящен исключительно женщине,

² Мне неизвестна ни одна семья, где бы проводились оба праздника, обычно выбирают одно мероприятие.

ожидающей рождения ребенка. Это мероприятие проводится уже на поздних сроках беременности, приглашают только подруг и женщин из близкого окружения будущей матери. На празднике раздают подарки, поздравляют молодую *келін* с беременностью. Большинство опрошенных считает, что *бейби шауэр*, как и *гендер пати*, можно отмечать при каждой беременности невестки [Там же]. Смысл этого мероприятия — поддержать *келін*, проявить особую заботу и внимание к ней перед родами. Женщины приносят подарки, делятся с ней своим опытом. Следуя устоявшейся традиции проведения подобного рода мероприятий в Америке и в Европе, собравшихся развлекает ведущий, устраивает тематические конкурсы, розыгрыши. Этот праздник сравнивают с традиционным казахским обрядом *құрсақ шашу*, *құрсақ той*, который проводила свекровь по поводу наступления беременности невестки [Там же]. Отсылка к традиционным формам обрядности для нас очень важна, это своего рода попытка придать легитимность новой практике. Основным моментом, который с точки зрения информантов указывает на связь с традицией, является то, что это праздник исключительно женский, на нем дарят подарки беременной и наставляют в будущем испытании, старшие женщины дают ей свое благословение. Любопытно, что молодые люди, публикующие в социальных сетях фото и видео с праздника, рассчитывая набрать максимальное количество лайков, в хештегах указывают мероприятие как *#baby shawer*, а в разговоре употребляют термин *құрсақ шашу*, объясняя это тем, что казахское название менее известно, чем англоязычное, которое прочно вошло в современную мировую культуру [Там же]. В этом случае два названия воспринимаются носителями традиции как синонимы.

Напомню, что вечеринка *бейби шауэр* появилась в конце 40-х гг. XX в. в США и достаточно быстро стала популярной во всем мире, однако в основе этого праздника лежит старая традиция праздничного оповещения о первой беременности молодухи, которая фиксируется во многих культурах.

Уже ко второй половине XX в. традиция отмечать *құрсақ шашу* исчезает, переходит, по словам информантов, в категорию «старинных обрядов» [Там же] и вот по прошествии почти века «возрождается» в новом виде. Название старинной обрядовой практики получает вестернизированный светский праздник.

Если беременность невестки долгожданная, женщина в течение многих лет не могла забеременеть, то в семье дают *садақа* как благодарственную трапезу-жертву, боясь сглаза, не афишируют беременность среди знакомых и друзей и уж тем более не проводят публичные мероприятия типа *гендер-пати* или *бейби шауэр* [ГМА, Стасевич, 2022]. В таком случае все торжества откладывают до рождения ребенка и каждый обряд детского послеродового цикла проводится с большим размахом, превращаясь в настоящий *той* (праздник). Таким образом, в кризисной ситуации устойчиво сохраняются традиционный сценарий и последовательность мероприятий родильной и детской обрядности.

Старшее поколение, независимо от степени религиозности и традиционализма, настороженно относится к внедрению в современную систему семейных обрядов и праздников новых практик. Отрицание представителями старшего поколения подобного рода новшеств основывается не на том, что такие мероприятия противоречат исламу, а на страхе сглазить беременность *келін* (*көз тиеді*), что, с их точки зрения, навредит как роженице, так и ребенку. По традиции дарить подарки еще не рожденному ребенку считается плохим *ырым* (приметой) [ГМА, Стасевич, 2022, 2023]. А все то, что не соответствует традиции, обычаю предков, несомненно, представляет потенциальную угрозу в сознании человека, живущего по традиции.

Той-бизнес достаточно оперативно отреагировал на появление «новых праздников», команды по организации праздничных мероприятий повсюду предлагают свои услуги, включающие ведение мероприятия, праздничное украшение помещения, предосталение тематических предметов — символов пола будущего ребенка и т.п. Каждая фирма, которая занимается организацией такого рода мероприятий, имеет свой сценарий, свою «изюминку» обыгрывания события. Достаточно много информации о том, как проводить *гендер пати* и *бейби шауэр*, можно найти в Сети, пользователи активно делятся своим опытом, размещают фотографии и видеоролики.

Семьи, которые придерживаются строгих религиозных правил, не проводят подобные мероприятия. В последнее время (5–6 последних лет, по моим данным) в среде исламизированной молодежи и отчасти традиционалистов получила распространение практика проведения *акика* — принесение в жертву одного или двух баранов (за девочку жертвуют одного, за мальчика — двух баранов) в знак благодарности Богу за рождение ребенка [Там же]. Мясо жертвенного животного распределяется между родственниками и нуждающимися. В исламе этот же термин, который обозначает само жертвенное животное, употребляется и по отношению к детским волосам. Волосы

новорожденного, которые состригаются во время традиционного казахского обряда *кыркынан шығару*, взвешивают и соразмерно весу пересчитывают в эквиваленте золота или серебра. Полученную в результате подсчетов сумму отец или дед (по мужской линии) раздает нуждающимся в качестве *садақа*. Эту процедуру можно провести сразу после рождения ребенка или до исполнения ему 18 лет. Традиция не является обязательной в исламе, но считается желательной, рассматривается как образец для подражания и регламентируется Сунной.

Обычно *акика* проводят на седьмой день после рождения ребенка. Возможно, именно по этой причине *акика* сравнивают, а часто и отождествляют с традиционным казахским обычаем *қалжа* (обрядовая трапеза по поводу рождения ребенка) [Там же]. И тот, и другой обычай закрепляет, посредством жертвоприношения, факт рождения ребенка, и в этом смысл их схож. Хотя, конечно, современный обычай *қалжа* в меньшей степени связан с нормативными религиозными устоями, чем традиция *акика*. С точки зрения информантов, его цель — торжественно отметить рождение ребенка, возвращение роженицы из роддома, поздравить семью с прибавлением. Старшее поколение в основном не исполняет обряд *акика* и по традиции настаивает на проведении *қалжа*. Бывают случаи, когда одно и то же мероприятие родители ребенка называют *акика*, а старики используют традиционный термин *қалжа* [Там же]. То есть, и в этом случае мы фиксируем слияние (по крайней мере в названиях) двух обрядовых практик в сознании и интерпретации представителей разных поколений. Как будет развиваться ситуация, предсказать сложно. Несомненно одно — что этот случай является последствием реисламизации региона и внедрения в традиционную обрядовую культуру «классических» (письменных) форм ислама [Стасевич, 2018]. В обществе обсуждается, что своего рода противовесом «вестернизации» казахской культуры может стать развитие религиозного благочестия и умеренности, однако стоит отметить, что нормы ислама в Казахстане в большинстве случаев не являются определяющими при выборе стратегий поведения как в обрядовой сфере, так и в повседневной жизни.

Появление новых практик в современной семейной обрядности казахов — явление не уникальное. Еще 25–30 лет назад такой семейный праздник, как *тілашар*, не был широко распространен, а в настоящее время он прочно вошел в современную казахскую обрядность, занял свое место на сетевых ресурсах, посвященных традиционной обрядности казахов, как обряд, завершающий цикл мероприятий, связанных с рождением и воспитанием детей³. *Тілашар* справляется накануне 1 сентября в тех семьях, где есть первоклассники. Он знаменует собой окончание младшего детского возраста, начало школьной жизни. И вновь легитимность воспроизведения «старинного обычая» современные казахи ищут в некоем неопределенном прошлом, ссылаясь на исторические корни традиции [Стасевич, 2021b, с. 149].

Праздники *гендер пати*, *бейби шауэр* носят светский характер, они не имеют никакого отношения к традиционной семейной обрядности казахов, да и в принципе к казахской культуре. Сами современные казахи это прекрасно понимают и, тем не менее, пытаются подогнать «вестернизированную» практику к универсальной матрице современного казахского обрядового мероприятия, основу которого составляют трапеза с обязательной подачей национального блюда «мясо по-казахски», символический дарообмен между членами социально-родственной группы и *бата беру* — благопожелания старших родственников. Это подтверждается и поиском параллелей в традиционной обрядности, условной синонимичностью новых практик и устоявшихся семейных обрядов. Проведение *гендер пати* и *бейби шауэр*, в отличие от семейных обрядов, не обязательно, скорее следование подобным практикам является своего рода модой, ответом современной молодежи на глобализацию культуры. Источником получения и распространения информации о такого рода праздниках становится Интернет, в первую очередь социальные сети. За последние десятилетия границы общения современной казахской молодежи заметно расширились, молодые люди учатся, работают за границей, имеют друзей и знакомых в разных странах. Молодые люди в разговоре отмечали, что проведение *гендер пати*, *бейби шауэр* рассматривается ими не как традиция, а скорее как способ празднично оформить важное событие в жизни семьи [ПМА, Стасевич, 2022, 2023]. Благо той-бизнес дает все возможности для проведения таких вечеринок на высшем уровне. Есть в казахском языке слово *еліктегіш*, что буквально значит «подражание, копирование», его часто используют информанты, описывая данные практики.

Конечно, *гендер пати*, *бейби шауэр* еще не получили такого распространения и всеобщего признания, как *тілашар*. Время покажет, как будет развиваться ситуация, но пример с внедре-

³ См., напр.: Казахские народные обычаи. URL: <https://sauap.org/ru/kazahskie-narodnye-obychai-2/> (дата обращения: 07.02.23).

нием в казахскую культуру «нового праздника» *тілашар*, в основе которого по сути лежит вестернизированная традиция отмечать начало обучения ребенка в школе, говорит о том, что такой вариант развития событий вполне возможен.

Выводы

Почему же казахская культура так легко воспринимает и адаптирует подобные практики? Начнем с того, что Казахстан на сегодняшний день представляет собой самую «европеизированную» страну из центральноазиатских государств, возникших на постсоветском пространстве. Это ощущается не только в геополитическом и геоэкономическом пути развития Казахстана, но и в цивилизационно-культурном отношении. Поэтому не удивительно, что «европейские» традиции достаточно активно приживаются в казахском обществе, особенно в молодежной среде, следование таким традициям переходит в разряд моды и престижа. С другой стороны, национальная идея Казахстана, основанная на возрождении и сохранении этнической культуры, несомненно, оказывает свое влияние на формирование образа «настоящего казаха», человека, знающего традиции своего народа, обычаи предков. В результате иноэтнические традиции переосмысляются и воспроизводятся на новом уровне, через призму национальной культуры.

Еще один фактор, влияющий на формирование среди казахов своего рода фонда «современных светских праздников», — появление и широкое распространение новых каналов получения и тиражирования информации. Информационное пространство Интернета способствует выстраиванию новых стратегий взаимодействия. При том что старшее поколение продолжает играть значительную роль в передаче знания о традициях проведения семейных обрядов, в Сети молодое поколение живо обсуждает правила проведения того или иного обряда, делится своим мнением, не боясь осуждения старших родственников, черпает информацию и тиражирует ее. Таким образом, обрядовая сфера современной казахской культуры получает модернизационные импульсы значительно чаще, чем 50–100 лет назад. Однако в современном казахском обществе все еще сохраняется потребность обрядового оформления основных этапов жизненного цикла человека, что, в свою очередь, обеспечивает актуальность воспроизведения основных традиционных практик и создание новых на основе переосмысления традиционных образцов. Расширение информационного поля и культурных связей активизировало процесс адаптации инокультурных практик, и основным проводником такого рода идей является молодое поколение. Старшее поколение и отчасти люди среднего возраста значительно менее активны в процессе освоения элементов западной культуры.

Конечно, нельзя забывать о специфике социальной организации казахского общества и общей направленности современной обрядности. Обрядовые практики, маркирующие важные вехи в жизни человека, в современной казахской культуре имеют выраженный социальный подтекст, они переходят на уровень социально значимых трапез, подтверждающих и закрепляющих новые статусы в рамках семейно-родственной группы, семантическая составляющая обрядовых мероприятий уходит на второй план и часто не имеет единой интерпретации среди носителей культуры [Стасевич, 2021а, с. 146]. Новые праздники тяготеют к традиционным канонам проведения обрядов, только если собираются старшие родственники, казахский *той* без них провести невозможно. И в основе таких мероприятий лежат все та же обрядовая трапеза (с обязательной подачей к столу традиционного блюда — *ет*, *бесбармак*, *ас*), дарообмен между членами семейно-родственной группы, подтверждающие, что основная цель таких мероприятий — сохранение сложной системы социальных взаимосвязей казахского общества. В случае проведения настоящего казахского застолья по окончании праздника старший мужчина по традиции дает *ас қайрату* и *бата беру* — благословение будущим родителям. Если праздник задумывается как вечеринка молодежи, то стол накрывают заметно проще, не подают национальные казахские блюда, могут ограничиться шведским столом. Казахская культура очень восприимчива к любого рода празднествам. «Образно говоря, казах перестанет быть казахом, если откажется ходить в гости и принимать гостей» [Жармакина, 2019, с. 60]. Достоинство провести праздник, с точки зрения казаха, значит провести его максимально пышно, так диктуют нормы казахского этикета. Это является своего рода показателем социального престижа всей семьи, а отчасти и семейно-родственной группы. Семейное торжество превращается в своего рода состязание по уровню экономических затрат, количеству приглашенных, статусности гостей. Фактор социального престижа и в современной культуре является действующим механизмом воспроизведения обрядовых норм и поведенческих стереотипов. Следование моде современной молодежью становится показателем престижа. А то, что престижно, будет повторяться, процесс воспроиз-

ведения нового образца пойдет по возрастающей. Семейные обряды должны быть проведены по высшему разряду, и если семья вводит в устоявшуюся систему новую практику, широко освещая ее и в Сети, и посредством общения в мессенджерах (тиражируя фото и видео праздника), то другие семьи не захотят «ударить в грязь лицом» и будут копировать новые образцы праздничных мероприятий, усваивая и тиражируя новые идеи. Регулятивная роль общественного мнения у казахов ярко выражена, и особенно остро люди реагируют на демонстрацию достатка семьи, праздник должен быть проведен не хуже, чем у других, а в идеале — лучше. Престижная экономика в казахском социуме сохраняет еще очень глубокие корни. Казахская этничность, очевидно, находит в этой сфере питательную почву как в плане самовыражения, так и в плане поддержания общественных связей и обеспечения единого информационного поля [Попова, Стасевич, 2020, с. 122].

Многие, кто живет по традиции, скажет: да это ерунда, мода, пройдет... Но жизнь диктует свои правила. Все мы живем в информационном пространстве, часто достаточно агрессивном. И нельзя не брать во внимание, как культура реагирует на подобные новшества, как происходит своего рода дрейф традиций, копирование изначального образца и переосмысление его на новом уровне. Возникновение подражательных практик, попытки интерпретировать инокультурные элементы как «возрождение старинных обычаев» еще раз демонстрируют адаптивность народной традиции.

В заключение отмечу: современная обрядность — тема весьма популярная в казахском обществе, и обсуждение вопросов «новых» и «старых» обрядов, праздников, допустимости/осуждения пышных семейных торжеств будет продолжаться и порождать новые национальные дискурсы разной степени остроты и направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аргынбаев Х.А.* Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем // СЭ. 1974. № 6. С. 69–77.
- Бекбалак К.А.* Похоронно-поминальная обрядность казахов Южного Казахстана // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы: Ғылым, 2001. С. 294–317.
- Галимова А.К.* Семейные обряды сельских казахов Северного Казахстана в современный период. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2003. 91 с.
- Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С.* Веб-этнография и киберэтничность // УИВ. № 1 (58). 2018. С. 100–108.
- Ерназаров Ж.Т.* Семейная обрядность казахов: Символ и ритуал. Алматы: Курсив, 2003. 199 с.
- Жармакина Ф.М.* Архетипы и ориентиры казахского менталитета // Казахи в евразийском пространстве. Омск, 2019. С. 54–60. <https://doi.org/10.25513/978-5-7779-2434-6.54-60>
- Калышев А.Б.* Семейная обрядность сельского населения Павлодарского Прииртышья // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы: Ғылым, 2001. С. 131–142.
- Калыш А.Б.* Семья и брак в современном Казахстане. Алматы, Арыс, 2013. 464 с.
- Коновалов А.В., Шаханова Н.Ж.* Ребенок в системе традиционной обрядности казахов: Родильный и ранний воспитательный циклы // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 7–36.
- Курылев В.П.* Семейно-родственные группы у казахов в конце XIX — начале XX в. (по некоторым литературным источникам) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука. 1978. С. 132–143.
- Ларина Е.И., Наумова О.Б.* Сквозь модернизацию: Традиции в современной жизни российских казахов. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 303 с.
- Попова Л.Ф.* Родственные отношения как ценность в современном казахском обществе // Лавровский сборник: Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008–2009 гг.: Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009. С. 145–150.
- Попова Л.Ф., Стасевич И.В.* Современная свадебная обрядность казахов как феномен этничности // Материалы XIX Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений «Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX–XXI веков». СПб., 2020. С. 118–124.
- Попова Л.Ф., Шалманова А.Б.* Традиционный компонент в системе свадебных подарков казахов Актюбинской области Республики Казахстан // Кунсткамера. № 4 (14). 2021. С. 141–152. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4\(14\)-141-152](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4(14)-141-152)
- Стасевич И.В.* Социальный статус женщины у казахов: Традиции и современность. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 199 с.
- Стасевич И.В.* Современный Кыргызстан: Повторная исламизация или возрождение национальной культуры // ЭО. 2018. № 2. С. 76–88. <https://doi.org/10.7868/S0869541518020069>
- Стасевич И.В.* Вызов времени: Воспроизведение «забытых» традиций в современной казахской культуре // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (53). 2021а. С. 146–154. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-14>

Стасевич И.В. Новые способы трансляции информации в обрядовой культуре казахов // Кунсткамера. № 4 (14). 2021b. С. 168–178. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4\(14\)-168-178](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4(14)-168-178)

Стасевич И.В. Обряды и ритуалы жизненного цикла // Казахи / Отв. ред. Ажигали С.Е., Наумова О.В., Октябрьская И.В. М.: Наука, 2021б. С. 508–552. Сер. Народы и культуры.

Толубаев А. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. Алма-Ата: Ғылым, 1991. 213 с.

Gieseler C. Gender-reveal Parties: Performing Community Identity in Pink and Blue // Journal of Gender Studies. 2017. № 27 (6). P. 661–671. <https://doi.org/10.1080/09589236.2017.128706>

Nahata L. The Gender Reveal: Implications of a Cultural Tradition for Pediatric Health//Pediatrics. 2017. № 140 (6). <https://doi.org/10.1542/peds.2017-1834>

Pasche Guignard F. A Gendered Bun in the Oven. The Gender-reveal Party as a New Ritualization during Pregnancy // Studies in Religion/Sciences Religieuses. 2015. № 44 (4). P. 479–500. <https://doi.org/10.1177/0008429815599802>

Sax L. How Common is Intersex? A Response to Anne Fausto-Sterling//Journal of Sex Research. 2002. № 39 (3). P. 174–178. <https://doi.org/10.1080/00224490209552139>

ИСТОЧНИКИ

Казахские народные обычаи. URL: <https://sauap.org/ru/kazahskie-narodnye-obychai-2/> (дата обращения: 07.02.23).

ПМА. Стасевич И.В. Отчет об этнографической экспедиции в Актюбинскую область, Республика Казахстан, 2019 г. // Архив МАЭ РАН. В научно-технической обработке.

ПМА. Стасевич И.В. Отчет об этнографической экспедиции в Атыраускую область, Республика Казахстан, 2022 г. // Архив МАЭ РАН. В научно-технической обработке.

ПМА. Стасевич И.В. Анализ данных персональных профилей пользователей социальных сетей и сервисов по общению (Instagram⁴, Тік Ток, «Одноклассники», «ВКонтакте»), анкет, 2023 г. // Личный архив автора.

Stasevich I.V.

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 190034, Russian Federation
E-mail: stinga73@mail.ru

New secular holidays in modern Kazakh culture. Westernization of everyday life and transformation of family rituals

The growing attention to processes related to the revival of Islam throughout Central Asia leaves in shadow some no less interesting tendencies associated with the westernization of the daily life. These processes have been recorded across the entire Central Asia but presently they manifest themselves to the greatest extent specifically in Kazakhstan, where interweaving of traditional elements of the East and the West created a remarkable distinctive culture of the 21st century. The voluntary or involuntary neglect of these processes undoubtedly leads to serious misrepresentation in our understanding of further routes of development of the traditional rites. Equally important is the fact that problems of Islamization itself undoubtedly appear more prominent when taking into account factors linked with the new 'westernized daily routine'. In this regard, very interesting are the new secular rituals and festivities which appeared in modern Kazakh culture not long ago: gender reveal party, baby shower, *tilashar* (Kaz., literally 'opening of the tongue'), constituting the subject of this research. This study employs methods of historico-cultural and ethnographic approaches, and it is based on fieldwork data obtained during the ethnographic studies in Western Kazakhstan in recent years and data from monitoring personal profiles of users of social networks and services. Gender reveal parties and baby shower celebrations are widespread in the entire world, and they are of a secular nature. The analysis of evidence from Kazakh culture shows an example of how modern Kazakhs attempt to fit the 'westernized' practices into the universal matrix of present-day Kazakh ritual activities based on three constituents: a repast with an indispensable national dish of 'meat in Kazakh style', a symbolic exchange of presents between members of socially kindred group, and *bata beru* i.e. 'best wishes from senior relatives'. This is also supported by the search for parallels in the rites, conventional synonymy of the new practices and established family rites. Thus, the secular celebrations of gender reveal and baby shower are acquiring a national colour. The culture is adapting the 'westernized' practice; copying of the original example and its re-interpretation at a new level is taking place. In contrast to family rites, the gender party and baby shower are not obligatory; following of such practices is rather a fashion of its kind — a response of the modern Kazakh young people to cultural globalization. The author is trying to find an answer to the question: why indeed the Kazakh culture is so readily accepting and adapting practices of this kind? The answer seems to lie in the specifics of the social organization of the Kazakh society, in the emergence of new channels for storing and broadcasting of information, and in the overall orientation of modern Kazakhstan towards globalization.

Keywords: Kazakhs, family rituals, 'gender reveal party', 'baby shower', adaptation of a tradition.

REFERENCES

Argynbaev, Kh.A. (1974). Wedding and Wedding Rites Among Kazakhs in the Past and Present. *Sovetskaia etnografiia*, (6), 69–77. (Rus.).

⁴ Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

Новые светские праздники в современной казахской культуре...

- Bekbalak, K.A. (2001). Funeral and Memorial Rites of the Kazakhs of South Kazakhstan. In: *Obychai i obriady v proshlom i nastoiashchem*. Almaty: Galym, 294–317. (Rus.).
- Ernazarov, Zh.T. (2003). *Family Rites of the Kazakhs: Symbol and Ritual*. Almaty: Kursiv. (Rus.).
- Galimova, A.K. (2003). *Family Rituals of Rural Kazakhs of Northern Kazakhstan in the Modern Period*. Astana: Yevraziyskiy natsional'nyy universitet im. L.N. Gumileva. (Rus.).
- Gieseler, C. (2017). Gender-reveal Parties: Performing Community identity in Pink and Blue. *Journal of Gender Studies*, 27(6), 661–671. <https://doi.org/10.1080/09589236.2017.128706>
- Golovnev, A.V., Belorussova, S.Yu., Kissler, T.S. (2018). Web Ethnography and Cyber-ethnicity. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 58(1), 100–108. (Rus.).
- Kalyshev, A.B. (2001). Family Ritual of the Rural Population of Pavlodar Priirtyshye. In: *Obychai i obriady v proshlom i nastoiashchem*. Almaty: Gylym, 131–142. (Rus.).
- Kalyshev, A.B. (2013). *Family and Marriage in Modern Kazakhstan*. Almaty: Arys. (Rus.).
- Konovalev, A.V., Shakhanova, N.Zh. (1998). A Child in the System of Traditional Rituals of Kazakhs: Childbirth and Early Educational Cycles. In: *Detstvo v traditsionnoi kul'ture narodov Srednei Azii, Kazakhstana i Kavkaza*. St. Petersburg: MAE RAN, 7–36. (Rus.).
- Kurylev, V.P. (1978). Family-related groups among the Kazakhs in the late XIX — early XX century (according to some literary sources). In: *Sem'ya i semeinye obrjady u narodov Srednej Azii i Kazakhstana*. Moscow: Nauka, 132–143. (Rus.).
- Larina, E.I., Naumova, O.B. (2016). *Through Modernization: Traditions in the Modern Life of Russian Kazakhs*. Moscow: St. Petersburg: Nestor-Istoriia. (Rus.).
- Nahata, L. (2017). The Gender Reveal: Implications of a Cultural Tradition for Pediatric Health. *Pediatrics*, 140(6). <https://doi.org/10.1542/peds.2017-1834>
- Pasche Guignard, F. (2015). A Gendered Bun in the Oven. The Gender-reveal Party as a New Ritualization During Pregnancy. *Studies in Religion/Sciences Religieuses*, 44(4), 479–500. <https://doi.org/10.1177/0008429815599802>
- Popova, L.F. (2009). Kinship Relations as a Value in Modern Kazakh Society. In: *Lavrovskiy sbornik: Materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskikh chteniy 2008–2009 gg.: Etnologiya, istoriya, arkhologiya, kul'turologiya*. St. Petersburg, 145–150. (Rus.).
- Popova, L.F., Stasevich, I.V. (2020). Modern Wedding Ceremony of Kazakhs as a Phenomenon of Ethnicity. In: *Materialy XIX Mezhdunarodnykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy «Etnokul'turnaya identichnost': fenomenologiya i variativnost' v kontekstakh istorii XIX–XXI vekov»*. St. Petersburg, 118–124. (Rus.).
- Popova, L.F., Shalmanova, A.B. (2021). Traditional Component in the Wedding Gift System of the Kazakhs of the Aktobe Region, Republic of Kazakhstan. *Kunstkamera*, 14(4), 141–152. (Rus.).
- Sax, L. (2002). How Common is Intersex? A Response to Anne Fausto-Sterling. *Journal of Sex Research*, 39(3), 174–178. <https://doi.org/10.1080/00224490209552139>
- Stasevich, I.V. (2011). *Social Status of Women Among Kazakhs: Traditions and Modernity*. St. Petersburg: MAE RAN. (Rus.).
- Stasevich, I.V. (2018). Modern Kyrgyzstan: Re-Islamization or Revival of National Culture. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 76–88. (Rus.). <https://doi.org/10.7868/S0869541518020069>
- Stasevich, I.V. (2021a). The Challenge of the Time: Reproduction of 'Forgotten' Traditions in the Modern Kazakh Culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 53(2), 146–154. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-53-2-14>
- Stasevich, I.V. (2021b). New Means of Information Broadcasting in the Ritual Culture of Kazakhs. *Kunstkamera*, 14(4), 168–178. (Rus.). [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4\(14\)-168-178](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-4(14)-168-178)
- Stasevich, I.V. (2021c). Rites and Rituals of the Life Cycle. In: Azhigali, S.Ye., Naumova, O.V., Oktyabr'skaya, I.V. (Eds.). *Kazakhi. Seriya Narody i kul'tury*. Moscow: Nauka, 508–552. (Rus.).
- Toleubaev, A. (1991). *Relics of Pre-Islamic Beliefs in the Family Rituals of Kazakhs*. Alma-Ata: Gylym. (Rus.).
- Zharmakina, F.M. (2019). Archetypes and Landmarks of the Kazakh Mentality. In: *Kazakhi v yevraziyskom prostranstve*. Omsk, 54–60. (Rus.). <https://doi.org/10.25513/978-5-7779-2434-6.54-60>

Стасевич И.В., <https://orcid.org/0000-0002-5213-4647>

Сведения об авторе: Стасевич Инга Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург.

About the author: Stasevich Inga V., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, St. Petersburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 18.12.2023

Article is published: 15.03.2024